

[Вышел 19 марта 1925]

[91 (062) (584)]

Journal of the Turkestan Branch of the Russian Geographical Society.
1924. Vol XVII.

XXIV $\frac{31}{12}$

ИЗВЕСТИЯ

ТУРКЕСТАНСКОГО ОТДЕЛА

РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Том XVII.

Под редакцией секретаря Отдела И. А. Райковой.

Ташкент.

1924 г.

„Светильник Историй“ (سراج التواريخ), история Афганистана, составленная по повелению и при ближайшем участии афганского эмира Хабибуллы-Хана.

Проф. А. А. Семенов.

Убитый в 1919 году афганский эмир Хабибулла не был чужд литературы, и его отец, эмир Абдуррахман, говоря в своих мемуарах

تاج التواريخ о поездке своих детей, принцев Хабибуллы и Насруллы, в 1895 г. в Англию, бросил такую тираду о литературной работе первого: «мой сын написал книжку о своем путешествии в Англию и о всех встречах и беседах у англичан; она была отпечатана в Кабуле, но так как обнародование ее не клонилось ко благу, то я, задержав ее выход, не допустил ее появления в свет». ¹⁾ Нет ни малейшего сомнения в том, что этот суровый приговор эмира Абдуррахмана о литературном труде своего старшего сына был вызван исключительно политическими соображениями.

Ныне перед нами—недавно полученное в Ташкенте превосходное издание, на персидском языке, по истории Афганистана, отпечатанное в лист, подвижными буквами, на отличной бумаге, в 2-х книгах с общей пагинацией страниц (194 в первой и вторая с 196 по 377; 1-10 стран. в конце второй книги отведены опечаткам. ²⁾ На титульном листе значится:

حسب الامر جليل القدر
اعلي حضرت سراج الملة والدين
بادشاه با عدل ودين

کتاب مستطاب سراج التواريخ
که بتوجه ذات اقدس همايوني شان

¹⁾ تاج التواريخ Лагор. Без обозн. года, II том, стр. 103.

²⁾ Не знаю, на сколько это издание распространялось в Афганистане и за его пределами, но любезно доставивший мне экземпляр этого труда наш дипломатический курьер, тов. Э., приобрел его в Кабуле в обстановке довольно необычной: на аукционе всех вещей и всего гардероба эмира Хабибуллы. В кабульских книжных лавках это издание совершенно отсутствовало; на аукционе его было, по словам тов. Э., экземпляров около двухсот.

تسويد و قايع گرديده بود

در مطبعه حروفی دار السلطنه کابل طبع گردید

سنه ۱۲۲۱

Таким образом из этого заглавия усматривается, что мы имеем, так сказать, официальную историю Афганистана, написанную «во исполнение высокославного повеления его величества, светильника нации и веры, правосудного и верующего государя», под каковыми эпитетами был известен покойный эмир Хабибулла. В последующем же предисловии к книге (на 2-й странице) мы, между прочим, читаем следующее: «раб святейшего Творца солнца и луны, возсылающий благодарность Господу, дарующему венец и трон, и покровителю всяческих, из числа обитателей страны, народ которой исповедует символ чистый: «нет божества, кроме единого Бога, и Мухаммед—Его посол.»—его величество, светильник нации и веры, эмир Хабибулла, независимый государь Афганистана и Туркестана, пред лицом читателей о минувших происшествиях заявляет следующее: я издавна хранил в своем сердце и признавал это дело необходимым—изложить происшествия и события (бывшие во времена) афганских государей, начиная от правления его величества, Ахмед-Шаха-дуррани, до наших дней, так что в настоящее время, когда поведья власти, управляющей Афганистаном, по благодати и милости святейшего Господа, перешли в могущественное обладание сего слуги всехвального Творца, я принял непоколебимое намерение записать (все эти) происшествия, (но) видя себя беспомощным для этого вследствие задержания трудными государственными делами и обучением и воспитанием войск и подданных, я приказал Феиз-Мухаммед-Катибу, сыну Са'ид-Мухаммед-Могола, называемому Хеза́реец Мухаммед-Хáдже, написать книгу, заключающую историю афганских государей, дабы она осталась (своего рода) памятником на будущее время. Но при всем своем великом обременении государственными делами высокого Богоданного государства Афганистана я написанное, по частям, сам лично просматривал, держал корректуру

(حک و اصلاح) и давал (потом) разрешение на печатание, (потому) всякий раз, когда будет найдена какая либо погрешность (в настоящем труде), пусть ее представят происшедшей единственно только вследствие моей большой обремененности (делами), только, потому что (по выражению поэта): вечно живет тот, кто жил, имея доброе имя, ибо и после него живет хорошее воспоминание о (его) имени!»

После этого вступления эмира Хабибуллы идет предисловие непосредственного автора книга, упомянутого Феиз-Мухаммед-Катиба, в котором он говорит, что план настоящего труда ему был указан самим эмиром, при чем не включение в данную историю периода, предшествовавшего правлению Ахмед-Шаха, было эмиром мотивировано тем, что исторические хроники, трактующие об этих временах, полны разноречивых повторений и многословия. Источниками настоящего труда были следующие сочинения:

1) تاریخ جهانگشای نادری

- 2) تاريخ سرجان مالكم (повидимому, персидский перевод),
- 3) تاريخ احمدى,
- 4) خزانه عامره
- 5) Том, посвященный каджарам, из ناسخ التواريخ,
- 6) رساله عربيه سيد جمال الدين افغانستاني,
- 7) تاريخ سلطاني,
- 8) رساله عليقلي ميرزاي اعتضاد السلطنة ايرانى,
- ✓ 9) رساله محاربه كابل و قندهار,
- 10) كتاب منظومه حميد كشميرى,
- 11) روزنامه اعليحضرت شاه شجاع الملك,
- 12) كتاب حيات افغانى معلقه دبتى حيات خان,
- 13) روضة الصفاى ناصرى,
- 14) مرآت الوضيه عربيه, معلقهء کرنيل يوسفانديك امريكانى,
- 15) پند نامه دنيا و دين پادشاه جنت مكين اعليحضرت ضياء الملة و
 و الدين مرحوم
 16) جام جم فرهاد ميرزا

Вместе с тем были использованы и показания особо достойных доверия людей, как очевидцев и участников тех или иных событий, так и тех, кто слышал об этих событиях от своих отцов и дедов. Из числа таких лиц, между прочим, указываются: сердарь Мухаммед Юсуф-хан, сын эмира Дост-Мухаммед-хана, сердарь Нур-Али-хан, сын эмира Шир-Али-хана, и верховный судья Са'д-ед-Дин-хан, сын покойного верховного судьи Абдуррахман-хана.

После вступления идет описание Афганистана в его прежних границах, т. е. с причислением к современной его территории частей Хорасана, Сеистана, Бадахшана (в его старой, более обширной, территории), Кашмира, небольшого отрезка Лагорского округа и значительной части Мультана, иначе говоря, разумеются все те земли, которыми когда то владели афганцы. Упомянется вхождение Афганистана в состав древней Бактрии (بكتريه) и потом, в эпоху ислама, происшедшее его подразделение на две части, восточную и западную, и т. п. В нижеследующем описании наиболее известных городов и областей старого Афганистана мы видим: Кабул, Канлагар, Герат, Газну, Балх, Меймене, Каттаган (древний, Тохаристан), Фейзабад (прежний Джузун—جوزون—главный город Бадахшана), Джелал-Абад, Ферах, Кашмир, Лагор и Сеистан. После этого излагается описание Афганистана в его современных политических границах, при чем страна рассматривается, как ес-

тественное продолжение Восточного Ирана, точно отмечается географическая широта и долгота важнейших пунктов в градусах и минутах, поверхность районов определяется в кв. милях. По этим данным вся площадь нынешнего Афганистана определяется в 150 т. кв. миль с населением в четыре миллиона душ. Упомянув о климатических условиях страны, авторы, к сожалению, приводят данные о температуре, не упоминая, по какой шкале они их отмечают. ¹⁾ В конце этого географического обзора, занимающего 8½ первых страниц книги, отмечается, что все данные о размерах территории страны, о ее населении и колебаниях температуры взяты из прежних сочинений, часто противоречащих между собою, и потому могут быть рассматриваемы только как приближительные, что в конце книги будут приложены точные данные о границах Афганистана, его территории и населении и карта. Однако в конце второго тома этих приложений не оказывается и, можно думать, что они совсем не были отпечатаны.

История Ахмед-Шаха-дуррани, основателя современного государственного образования, называемого Афганистаном, изложена достаточно подробно (стр. 9—35), обнимая все события его правления, точно отмечены все даты, приведены хронограммы тех или других исторических происшествий. Для занимающихся историей суфизма в Туркестане не безынтересен эпизод из взаимоотношений Ахмед-Шаха и бухарского эмира, Шах-Мурад-Ма'сум-Гази, этого дервиша на престоле. В 1182 года Хиджры Ахмед-Шах послал своего визиря, Вали-Хана, с войском в Балх и Бадахшан для усмирения вспыхнувшего там мятежа. Мятежники были поддержаны бухарским эмиром, Шах-Мурадом, Вали-Хан поспешил донести об этом своему государю. Ахмед-Шах выступил тогда с войском из Кандагара по Гератской дороге на Бухару. «Переправившись через «Мервскую реку» (رود مرو), Ахмед-Шах прошел округа: Меймене, Балх, Андхой и Шибирган, закрепил их за собою и, оставив визиря Вали-Хана правителем Кундуза и Бадахшана, он вступил в пределы Бухары. Около Карши его встретил с войсками эмир Шах-Мурад. Ахмед-Шах, однако уклонился от боя и вступил в мирные переговоры. Мир был заключен и пограничную линию между Афганистаном и Бухарою была установлена р. Аму-Дарья. При этом афганский эмир выразил желание поклониться хырке Пророка, которую тот завещал анахорету и подвижнику первых лет ислама, Увейсу Карани, и которая, в конце концов, очутилась в Бухаре (где, повидимому, считалась величайшей святыней). Шах-Мурад с необычайным почетом послал ее Ахмед-Шаху, а тот, получив этот высокопочтительный плащ Пророка, свез его в Кандагар, отнюдь не подумав о его возврате бухарскому государю. Сведения об этом эпизоде наша история позаимствовала из «Тарихи-Султани» (со ссылкой на нее). ²⁾ автор которой совершенно не обратил внимание на анахро-

¹⁾ В этом отношении выгодную противоположность представляет труд Султана Мухаммед-хана дурранийца, „Тарих-и Султани“, где показания о температуре Афганистана даны в градусах Фаренгейта.

²⁾ В „Тарихи-Султани“, между прочим, сообщается, что когда узбеки—мугевалли, сопровождавшие хырку Пророка, узнали, что Ахмед-Шах увозит ее в Кандагар, они ночью вскрыли сундук, где она хранилась, и, вырезав из ее оплечья то место, которое соприкасалось со знаком пророчества, бывшем на теле Мухаммеда, ушли в Бухару. Хырка была выставлена в Афганистане для поклонения сначала в Кабуле, а потом в Кандагаре, где ее поместили в старой соборной мечети. После смерти Ахмед-Шаха, его сын и преемник, Тимур-Шах, выстроил с восточной стороны гробницы отца куполообразное здание с мечетью и водоемом и поместил в него этот плащ Пророка (تاریخ سلطانی) бомбейск. изд. 1298 г.; стр. 144—145).

низм этого эпизода (Ахмед-Шах умер в 1186 г. Хиджры, а Шах-Мурад вступил на престол по меньшей мере спустя лет шесть после этого. ¹⁾ Эмир Хабибулла делает от себя к этому коррективы, основанные, повидимому, на семейных преданиях и рассказах, и по существу совершенно опровергающие анахронистические сведения «Тарихи-Султани». По его словам, хырка пророка Мухаммеда была привезена в Среднюю Азию эмиром Тимуром из Арабского Ирака и помещена в Самарканде в особом здании, при чем для ее хранения Тимур назначил несколько человек «из особо почитаемых и подлинных» сеййидов, а вакфом для их содержания было сделано селение Дахбид. Теперь здание, где хранилась хырка Пророка, известно под названием «Ходжа Хызр» ²⁾. «В 1297 г.», замечает автор, «я лично видел это святое здание.» Возможно, что после смерти Тимура хырка Пророка со всеми мутеваллиями была перевезена преемниками Тимура в Бухару, а впоследствии одним из тимуридов она была доставлена оттуда в г. Джузун, где одним из тамошних царевичей для ее хранения было построено, вне крепостной стены, особое куполообразное здание. «Город Джузун по милости этой счастливой хырки получил название Фейзабада» (بلدہ جوزون از فیض آن)

(خرقہ میمون موسوم بفیض آباد گشت). В нем она оставалась до тех пор, пока Ахмед-Шах не перевез ее в Кандагар. Перевозка этой реликвии была обставлена таким благоговением и почетом, что на шею каждого верблюда, везшего ее от станции до станции, привешивали записку, гласившую, что этот верблюд является богоугодною милостыней, которую может воспользоваться всякий; и когда верблюд достигал до определенной остановки, его отпускали на все четыре стороны, чтобы всякий, кто пожелал, мог взять его себе. Когда процессия достигла до северных горных районов Кабула, то стечение народа, приходившего поклониться святыне, было так велико, что на каждой остановке приходилось задерживаться по 2— по 3 дня. В Кабуле хырка оставалась 7—9 месяцев, пока строили для нее специальное здание в Кандагаре, которое, согласно воле Ахмед-Шаха, должно было служить так же и его усыпальницей. В виду этого здание построили в форме двухъярусного купола, чтобы в нижнем, по виду похожем на «сердаб» (холодильник—водохранилище), похоронить Ахмед-Шаха, а в верхнем поместить плащ Пророка. По смерти Ахмед-Шаха его похоронили в этом здании, но хырку Мухаммеда не перенесли туда, потому что, согласно фетвы улемов, было постановлено ее не брать из временного помещения, где она была, «чтобы она не стала игрушкой в руках государей и не переходила бы впредь с места на место»

(تابان چہ دست سلاطین نگر دد و از جائی بجائی منتقل نشود) Личный ос-

¹⁾ По Лен-Пулю („Мус. династии“, перев. В. В. Бартольда. Спб. 1899). эмир (Шах-Мурад правил с 1200/1785 по 1215/1800 г. Вамбери в своей „Истории Бухары“ перев. А. И. Павловского. Г. II. Спб. 1872, стр. 120 и 130) годом его вступления на престол считает Ша-бан 1199/1784 г., а дату смерти—1217/1802 г. В рукописи анонимного автора, озаглавленной мною в переводе „К истории бухарских Мангытов“ („Бюллетень 1-го Ср.-Аз. Г. У.—та“, № 6 апрель 1924 г., стр. 162—164), годом вступления Шах-Мурада на престол показывается 1192, а смерть—1215 г. Хиджры.

²⁾ Разумеется, повидимому, мечеть Хызра, вне Самарканда, на Афрасиабе,—против городских ворот, наз. „железными“, دروازہ آهنین (См. „Самария“, Абу—Тахир—Ходжи, перев. В. Л. Вяткина, в „Справ. кн. Самарк. обл. за 1898 г.“ стр. 167).

мотр усыпальницы Ахмед-Шаха эмиром Хабибуллою, при посещении им Кандагара в 1325 году Х., убедил его, что она действительно была построена не только для принятия останков основателя современного Афганистана, но и для хранения хырки Пророка: на это указывали и архитектурные детали и положение гробницы не в центральном месте усыпальницы (стр. 28—29).

Описание царствования Ахмед-Шаха,—после смерти его в ночь на пятницу 20-го Реджебв 1186 г. Х.,—оканчивается, между прочим, очерком путей в Индию, описанием районов Индийского Двуречья (دوآبه) и происхождения религии сикхов (стр. 30—50). Правлению преемника Ахмед-Шаха, Тимур-Шаху, посвящены страницы 35—45, среди них заслуживают внимания подробности столкновения его с бухарским эмиром Шах-Мурад-Ма'сумом, который, воспользовавшись походом Тимур-Шаха в Пенджаб и Синд, предпринял опустошительный набег на районы Хорасана и Туркестана, входившие в состав Афганистана (стр. 41).

Последующее описание правления Шах-Земана, вступившего на престол после смерти Тимур-Шаха (в 1207 году Х.), занимает страницы 45—62 и заключает помимо, подробностей чисто исторического значения небезытересные сведения по административному и военному устройству тогдашнего Афганистана, так, например, упоминается избрание и распределение министров по рангам (из числа тех, которые содействовали возведению его на престол), исчисление войсковых частей и размеры получаемого ими содержания (большинство их составляли монголы и кызыль-баши, последние были детьми тех, которых Ахмед-Шах переселил из Персии) и прочие подробности.

Преемнику Шах-Земана, его брату Шах-Махмуду (его первому правлению), посвящены страницы 62—68. Вступив на престол после трагической смерти своего брата, убитого, по одним источникам в 1216 году, а по другим—в 1217 г. Х., Шах-Махмуд, опиравшийся, главным образом, на чужеземные элементы, на преданных ему кызыль-башей, лишился престола вследствие неожиданно вспыхнувшего народного восстания в столице страны, в Кабуле. И официальная история почти в эпических чертах излагает этот мрачный случай взрыва народного негодования (хотя и не так витиевато, как это описано в «Тарихи-Султани»). В 1219 г. Х. один из кызыль-башей обманом завлек к себе в дом сына одного из кабульских жителей, красивого мальчика, и вместе с другими своими знакомыми содомитами подверг его изнасилованию. А затем, продержав его некоторое время и напоив вином, с примесью опиума и

листьев белены (کي), вытолкнул из дома. Мальчик в состоянии опьянения добрался до родительского дома, где и рассказал отцу все происшедшее. Отец с криком бросился к Шах-Мураду, требуя правосудия. Эмир, всегда снисходительно относившийся к своим кызыль-башам, передал дело в суд. Верховный судья, Молла-Мухаммед-Са'ид-хан, из племени баракзаев, не нашел поводов к обвинению виновных, потому что истец не мог выставить требуемых шариатом свидетелей. Это решение произвело самое невыгодное впечатление на горожан, бывших суннитами ханефитского толка, тогда как обвиняемый, как и все кызыль-баши, был шиитом. В пятничный день родственники потерпевшего и другие горожане, с обнаженными головами и ногами, разодрав платья, собрались в соборную мечеть, где, поместив мальчика под кафедру, стали требовать правосудия у проповедника, читавшего хутбу. Тот дал им разрешение на убийство и разграбление имущества всех кызыль-башей. Едва это было

сделано, как все горожане и базарные торговцы бросились на кызыль-башей, считая их истребление делом богоугодным и обязательным с точки зрения религии. Начались дикие убийства и грабеж, убивали всех, кого видели, и тащили все, что попало под руку, дома же кызыль-башей зажгли. Кызыль-баши забаррикадировали землю и камнями ворота квартала, где они жили (чандавул¹), и, осажденные со всех сторон бушующим народом, провели в таком положении целый день, пока весть об этом не пошла до обитателей окрестностей Кабула. Эти бросились в город в числе до 20 тысяч человек и обложили со всех сторон запершихся в чандавуле кызыль-башей. Положение последних становилось все более и более затруднительным, и усилия Шах-Махмуда примирить враждующие стороны не имели никакого успеха; тогда он поручил прекратить кровопролитие Шир-Мухаммед-хану «мухтар-од-довле» и сердарю Ахмед-Хану из племени «нурзаев». Однако эти сановники стали на сторону восставшего народа, чем еще более усилили избиение кызыль-башей и грабеж их имущества. Подстрекательство народных масс этими лицами повело к тому, что число убитых с обеих сторон увеличивалось с каждым днем. В конце концов, когда кызыль-башам грозило полное истребление, когда признак разрушения носился над самим государством, выступил визирь Фетх-Хан со своими братьями и, действуя то угрозами, то уговорами, не останавливаясь ни перед какими мерами, он добился того, что мятеж прекратился. Однако ни влиятельные круги суннитского населения Кабула, ни народные массы отнюдь не были довольны таким вмешательством Фетх-Хана: видя в этом покровительство ненавистным кызыль-башам со стороны правительства, они были глубоко оскорблены. На совещании наиболее влиятельных представителей населения, в числе которых были и духовные, и придворные лица, было решено добиться удаления из Кабула Фетх-Хана. По их настоянию последний был отправлен для сбора податей к хезарейцам и в Бамиан. Но едва Фетх-Хан покинул Кабул, как население снова возмутилось, и заговор против Шах-Махмуда повлек низвержение его с престола и заключение в крепость Бала-Гисар. На престол был возведен Шуджа-ол-Мульк (стр. 66—67). Описание прибытия к нему на следующий год (1220) поздравительных и дружественных посольств эмира бухарского Хайдара и правителя Ташкургана, Килидж-Хана, дает небезынтересные, с точки зрения быта, сведения о присланных подарках: 7 рядов больших горных верблюдов красной масти, 20 лошадей под седлами и в полных уборах, отделанных золотом и серебром, несколько штук белых соколов, ткани китайские, русские и татарские, яркендские лошади хорошего хода, шкурки соболей (стр. 69). Последующее изложение, заключающее описание вторичного правления Шах-Махмуда, появление на сцену Дост-Мухаммед-хана, смуты и конец правления Шах-Махмуда, появление Шах-Шуджи в Афганистане, его борьба за власть, и прочие «события эпохи афганских усобиц» (وقائع أيام فتور افغانستان), как их называет наша история, — занимает 67—127 стран. Среди них позволю отметить, в дополне-

¹ چنداؤل (как это напечатано в тексте) есть турецкое слово, означающее, собственно, арьергард (у Бабура — в форме (چنداؤل)) в афганский же язык оно перешло не только в этом значении, но им называют в Кабуле кызыль-башей вообще (по-афгански это слово произносится чандавал, а кызыль-башей называют чаидавалей).

ние к моей статье «Джемшиды и их страна» («Изв. Т. О. Р. Г. О-ва», т. XVI),—восстание джемшидского Ялангтуш-хана и Мухаммед-Хана-Карайяи, правителей Гератской области. Согласно данным нашей истории этот эпизод представляется в таком виде: оба эти лица вступили в тайные сношения с Алла-Кули, хивинским ханом, и передались к нему; Ялангтуш-хан сделался начальником пограничного Туркестана. Вскоре после этого туркмены—сарыки сделали большой набег на Мешедский район; правитель Мешеды, принц Ахмед-Али-мирза, с войском выступил им навстречу, у Пули-Хатун, что близ Серахса, произошло сражение. Туркмены потерпели страшное поражение; одни были убиты, другие попали в плен. Одного из пленников отослали к хивинскому хану, так как стала известна его переписка с Мухаммед-Ханом-Карайе'ем, Алла-Кули был очень сконфужен этим обстоятельством и решил вступить в дружественные отношения с персами. Он послал влиятельных старшин туркмен-теке и сарыков «на поклон» к победоносному правителю Хорасана. В лагере принца они принесли заверения в дружбе и покорности и Ахмед-Али-мирза отпустил всех пленников. Не замедлили выразить персам свою покорность и преданность и мятежные главы Гератских аймаков: Ялангтуш-хан и Мухаммед-Хан-Карайи. Случай этот имел место, судя по изложению последующих событий, около 1226 года Хиджры.

Правление Дост-Мухаммед-хана, именуемого «великим эмиром» (امير كبير), движение персиан на Гератскую провинцию, осада Герата, столкновение английских и русских интересов в Афганистане, новое вступление Шах-Шуджи в Афганистан уже с английскими войсками, захват им власти и бегство Дост-Мухаммед-хана в Бухару, перипетии его последующей сложной борьбы с Шах-Шуджею, закончившейся убийством последнего в 1258 г., гибель английского гарнизона, Бёрнса и Макнайтена и другие события—занимают 128—182 страницы. Одним из источников при изложении борьбы Шах-Шуджи с Дост-Мухаммедом и активного участия англичан в возведении Шах-Шуджи на престол был, повидимому, труд Мухаммед-Абдол-Керима монши (محمديه كابل و قندهار) (ср. Каунпорскую литографию 1267—1851), но много есть и таких подробностей, которых нет в этом сочинении, и которые, повидимому, взяты из дневника Шах-Шуджи, указанного в числе источников настоящего труда. Заслуживает внимание в этом отделе изложение политической борьбы англичан и русских в Афганистане. Их наша история излагает в таком виде. Английский посланник в Персии, мистер Макнайль, считал русское правительство подстрекателем персиан в их прозектируемом походе на Герат и усматривал в этом возможность последующего объединения афганцев и персиан, что неизбежно бы угрожало Индии. Вследствие этого он всячески противодействовал походу персов на Герат, где правителем был принц Камран, сын Шах-Махмуда, находившийся в весьма слабой зависимости от центрального правительства. Опасения англичан имели реальные основания, т. к. движение персов на Герат в сущности было лишь внешней операцией, прикрывавшей оживленные сношения Дост-Мухаммеда и кандагарских сердарей с Мухаммед-Шахом, в планы которых входили именно совместные действия против Индии. Шах двинулся на Герат, и Макнайль, послав своему правительству подробное донесение о положении дел, пожелал сопровождать шаха в походе. Английское правительство, узнав подробности из донесения Макнайля, отправило Александра Бёрнса послом к Дост-Мухаммеду с большими полномочиями, чтобы он, не пренебрегая никакими средствами, отклонил его

от союза с персианами и привлек на сторону Великобритании; такая же миссия была возложена и на мистера Лича, посланного к кандагарским сердарям. С другой стороны англичане дали обещания и Шах-Шудже, бывшему в Лодиане (لودميانه), что ему помогут вернуть наследственные права на Афганистан, ныне захваченные Дост-Мухаммедом и кандагарскими сердарями. За несколько же времени перед тем англичане направили своего агента и в Герат, переодетого муллою мистера Поттэнджера (پاتنجر), который, выдавая себя в Герате за ученого индуса—мусульманина, открыл там школу для обучения молодых людей. Он настолько сумел войти в доверие гератского правителя, принца Камрана, и его визиря, Яр-Мухаммед-хана, что они исполняли решительно все, что он им советовал. Прекрасно осведомляемый тайной агентурой о всех движениях к Герату персов, с момента их выступления из Тегерана (включительно до каждой из их остановок), Поттэнджер настолько запугал Камрана, что тот, по его совету, стал готовиться к защите Герата. Уверенный в поддержке Англии, гератский правитель, собрав в город большое количество фуража и провианта, отправил посольство с просьбой о помощи к хивинскому хану Алла-Кули, к правителю Меймене, к главам хезарейцев, джемшидов и тейменов. В разгар этих подготовлений гератского правителя в Кабул прибыл агент русского правительства Виткевич; принятый Дост-Мухаммедом, он поднес ему различные подарки; еще не отзвучали их взаимные уверения в дружбе и союзе, как в Кабуле появился посол Мухаммед-Шаха с письмом от своего государя; в нем персидский шах подробно указывал на коварство и лицемерие Александра Бёрнса, прося не доверяться ему. Дост-Мухаммед из всего предпочел дружбу с Россией, в результате этого последовало вынужденное оставление Кабула Бёрнсом и его отъезд в Индию. Возвращением из Индии Дост-Мухаммеда (после убийства Шах-Шуджи), как заключительным аккордом трагических событий вытекших из рассказанного, оканчивается первый том официальной истории Афганистана.

Второй том начинается с изложения родословной глав мухаммедзаев, колена баракзаев, из которого происходил эмир Дост-Мухаммед, а затем идет изложение его вторичного правления Афганистаном, которым он овладел, при помощи англичан, в конце 1258 г. Хиджры (При этом следует отметить, что в этом томе события изложены по годам и расположение материала, в отношении хронологических подзаголовков, несколько напоминает *تاریخ منتظم ناصیری* Сани'-од-Довле). Разнообразные и сложные события этого периода правления Дост-Мухаммеда, его отношения к разным полунезависимым правителям, столкновения с ними, с бухарским эмиром Музаффаром, и проч. занимают стр. 196—251 нашей истории, заканчиваясь смертью „великого эмира“ (во вторник 21 Зил-Хиджже 1279 г. Х. или 9 июня 1863 г. по Р. Хр.), элегией в честь его, написанной его секретарем, Мирзою Мухаммед-Мухсин-ханом, и таблицей всех его 27 сыновей, с указанием года рождения, смерти и места погребения каждого из них (ко времени появления настоящего труда двое, впрочем, были живы).

События правления преемника Дост-Мухаммеда, Шир-Али-хана, кратковременное занятие престола Мухаммед-Афзаль-ханом и Мухаммед-А'зам-ханом, вторичное появление у власти Шир-Али, происки сердаря Абдуррахман-хана, Мухаммед-Я'куб-хана и Мухаммед-Эйюб-хана, события из жизни Абдуррахмана в Бухаре, а затем в пределах Русского

Туркестана, посольство генерала Столетова в Кабул, вторжение англичан в Афганистан и смерть эмира Шир-Али-хана (в четверг 29 сафара 1296 г. Х.) излагаются на страницах 251—345. Следующие страницы (346—355) посвящены кратковременной эпохе правления эмира Мухаммед-Я'куб-хана, когда убийство английского посла Луи Кавеньери в Бала-Гисаре, почти сплошь населенном арабами, вызвало вооруженное вмешательство англичан, результатом чего было отправление Я'куб-Хана под сильным конвоем в Индию, в Пешавер, и расправа над виновными в убийстве Кавеньери. Англичанами было объявлено, что за каждого доставленного зачинщика этого убийства будет выдано по 50 рупий, следствием этого явились казни очень многих лиц, которых предали другие, в числе их были и такие, которые занимали видные посты. Происшедшие затем смуты и усобицы в стране, военный бунт в Кабуле и грабеж имущества сердарей, до женского платья включительно, движение английского отряда из Кандагара в Кабул, правление Зйюб-хана в Герате, появление в Афганистане Абдуррахман-хана, бежавшего сюда через Бухару из Русского Туркестана, и провозглашение его эмиром (в 1297 г. Х.),—заканчивают последние страницы II тома (345—477).

Подробности пребывания эмира Абдуррахман-Хана в русских пределах в главных чертах тождественны с теми, что изложены в его *تاج التواريخ*, но есть некоторые эпизоды, которых в этом сочинении нет. Так, например, на стр. 340 рассказывается о той панике, которой было охвачено русское население Самарканда при известии о русско-турецкой войне, опасаясь, что военные действия, в связи с интригами англичан, захватят и Среднюю Азию. Но Абдуррахман, живший тогда в Самарканде, будто бы, успокоил русских. При этом приводится эпизод из обычных загородных охотничьих прогулок Абдуррахмана. В одну из пятниц он приехал в местность *وارگت* (Ургут) в 12 корух'ах от Самарканда, и узнал, что возмутившееся население убило начальника и судью (*حاكم وقاضی را*) Проехав чрез бушевавшую вооруженную толпу к дому судьи, с которым Абдуррахман был хорошо знаком, и узнав от его сына, что судья убит в мадрасе, сердар повернул к бунтовщикам и, разругав их, спросил, что за причина всего случившегося. Ему ответили, что, по слухам, в Самарканде произошло возмущение против русских и что они из солидарности с самаркандцами также теперь выступили против них. Абдуррахман разъяснил народу всю лживость питавшего их слуха и послал пять человек из сопровождавших его нукеров в мадрасу за трупом судьи. Но оказалось, что последний был жив, хотя сильно был измучен и избит палками, так как от него выпытывали, где у него золото. Освободив судью, успокоив население *وارگت* сердарь взял с жителей обещание, что они немедленно схватят зачинщиков мятежа и представят их судье для законного разбора дела. Народ беспрекословно исполнил это. Случай этот, насколько мне известно, не был отмечен в истории русской гражданственности в Туркестане.

Заканчивая этот беглый обзор *سراج التواريخ* я позволю заметить, что с какой бы точки зрения не рассматривать этот труд, как бы критически к нему не относиться, с ним, тем не менее, следует считаться всем занимающимся историей современного Афганистана: и обилие фактического материала с массой подчас интересных сведений и черт бытового и этнографического характера, стихотворения—хронограммы на смерть

исторических лиц, приводимые надписи сфрагистического характера, большое количество хронологических данных и, наконец, редкость некоторых источников, которыми пользовались авторы,—все говорит за то, что настоящий труд не может быть игнорирован лицами, изучающими Афганистан.

Ташкент. 23 марта 1924 г.

Некоторые данные к истории мечети в Аннау.

Проф. А. А. Семенов.

Мечеть в Аннау, в 12 верстах от г. Полторацка (Асхабада), в смысле ее происхождения до сих пор представляет, как известно, своего рода загадку: из старой восточной литературы до сего времени неизвестно имя того большого, ныне лежащего в развалинах, города, в котором была эта удивительная мечеть, неизвестно, кто такой был шейх Джемал-эд-Дин, при гробнице которого была она построена, неизвестно, кто был строитель мечети, сын названного шейха, Мухаммед, равно как неизвестен и мастер изумительного и единственного в Средней Азии по красоте портала мечети, где в полусферических треугольниках находятся два китайских императорских дракона. Расположенные на темно-синем изразцовом фоне, богато украшенной растительным орнаментом, драконы поражают зрителя и своими размерами, и необычайной экспрессией¹⁾. Из эпиграфики исторического значения на мечети сохранились, как известно, три надписи. Под парапетом портала идет лента арабской вязи вперемешку с растительной орнаментацией, столь типичного для архитектурной эпиграфики времени тимуридов и шейбанидов:

وَقَعَّتْ فِي نُوْبَةِ دَوْلَتِ سُلْطَانِ الْأَعْظَمِ مَالِكِ رِقَابِ الْأَمَمِ

أَمَانِ الْمَلِكِ وَالزَّمَانِ أَبُو الْقَاسِمِ بَابِرُ بَهَادِرِ خَانَ حَلْدِ اللَّهِ

مَلِكِهِ وَسُلْطَانِهِ

что значит:

«Случилась (постройка) во время великого государя, неограниченного монарха (б. обладающего вяями народов), дающего спокойствие (своему) царству и времени, Абул-Касым-Бабура, Бахадур-хана. Да продлит Господь навечно его царство и власть!».

На лицевой стороне арки портала, на высоте 2¹/₄ аршин от пола, на двух продолговатых досках синей глазури (по одной с каждой стороны), белыми глазурными буквами идет другая арабская надпись вязью (по 8 строк на каждой доске).

¹⁾ Современный французский авторитет по мусульманской архитектуре и искусству H. Saladin, называет их „великолепными драконами чистейшего китайского стиля с когтями, сверкающими хвостами и с подергивающимися гримасой головами необыкновенной экспрессии“ (Manuel d'art musulman. Paris. 1901; t. 1, p. 365).

I

بِنَاءِ هَذِهِ الْعِمَارَةِ الشَّرِيفَةِ الْمُنِيفَةِ الْعَالِيَةِ
الْمَسْمُوتَةِ بِدَارِ الْجَمَالِ صَانِئِهَا اللَّهُ تَعَالَى
عَنِ الْاِخْتِلَالِ بِاسْمِ رَوْضَةِ الْمُقَدَّسَةِ
الْمُعْطَرَةِ الْمَطْهَرَةِ لِقُطْبِ الْاِقْطَابِ
مَرَجِعِ أُولَى الْاِبْصَارِ وَالْاَلْبَابِ
الْمُشْرِفِ بِتَشْرِيفِ الْجَذِبَةِ مِنْ جَذِبَاتِ
الْحَقِّ تَوَارِي عَمَلِ الثَّقَلَيْنِ قَدْوَةِ اَرْبَابِ
الْحَقِّ الْيَقِينِ وَ سُلْطَانِ الْمُجْنُودِيِّينَ

II

الْمُتَشَرِّعِينَ سِرِّ اللَّهِ فِي الْأَرْضِينَ شَيْخِ
جَمَالِ الْحَقِّ وَ الدِّينِ قَدَّسَ اللَّهُ سِرَّهُ
وَ أَفَاضَ عَلَى الْعَالَمِينَ ظَاهِرًا وَ بَاطِنًا
بِرَّهُ صَدَرَ مِنَ الْفَقِيرِ الْحَقِيرِ الْغَرِيقِ فِي لَجَّةِ بَحَارِ
الْعَصِيَانِ الْمَتَمَسِّكِ بِعُرْوَةِ جَبَلِ مَتِينِ عِنَايَةِ
عَفْوِ الْغُفْرَانِ مُحَمَّدِ بْنِ جَمَالِ الْمَلَّةِ وَ الدِّينِ
مَذْكُورِ وَ عَمَّرَهَا مِنْ حَالِصِ مَالِهِ الْحَلَالِ
..... عَلَى ... فِي شَهُورِ .....

I.

1. Постройка этого священного прекрасного, величественного здания,
2. называемого „Домом Джемâля“,—да сохранит его Господь Все-
вышний
3. от разрушения!,—во имя сада священного,
4. благоухающего, чистейшего, в память полюса полюсов,
5. убежища людей прозорливых и мудрых,
6. осчастливленного особой благодатию экстатического достижения
7. Истины, в котором скрываются действия людей и гениев, образца
обладающих
8. Несомненной Истиной, главы избранников Господних, познавших
и исчезнувших в Нем,

II.

1. Сведующих в законах Божественных тайн на земле,—(в память)
шейха
2. Джемâl-ол-Хакк-вад-Дин'а,—да осветит Господь его душу
3. и да изольет Он на миры явно и тайно его праведность! —
4. проистекла от презренного бедняка, погруженного в море
5. греха, держашегося за петлю надежной веревки милости
6. Всепрощения, Мухаммеда, сына Джемâl-ол-Миллат-вад-Дин'а
7. вышеупомянутого. И построил он его (здание) на собственные,
благоприобретенные средства
8. .... на ..... в месяцы .....

Последняя строка уже 25 лет тому назад была настолько попорчена людьми, что совершенно не представлялось возможным прочесть бывшую на ней дату.

(Привожу здесь эти надписи потому, что в моей статье „Развалины мечети близ селения Аноу“¹⁾ они, по техническим условиям, не были приведены в оригинале и, кроме того, благодаря любезной помощи А. Э. Щмидта, их перевод здесь является более отвечающим их точному смыслу).

Таким образом эти надписи устанавливают тот факт, что мечеть (и вероятно, медресе, судя по развалинам соединявшихся с мечетью худжр) была построена во время правления султана Абул-Касым-Бабура, сына Мирзы Байсонкура, сына Шах-Роха, правившего Хорасаном, приблизительно, с 1446 г. по 1457 г. (умер и похоронен в Мешеле 26 Раби'-ус-Сани 861/1457 г.). Подробности его правления, прошедшего в беспрестанных войнах с своими родственниками, дают историки Мирхонд и Хондемир.²⁾

Упоминаемый в надписи шейх Джемаль, судя по его эпитетам, несомненно, был известный суфий, а строителем этого великолепного

¹⁾ В журнале „Средняя Азия“ за 1911 г., январская книжка.

²⁾ См. *روضۃ الصفا*, Лукнов, 1322/1904; 6-й т., стр. 252—275. *حبيب السير*

Тегеран. 1271; 3-ий т., стр. 215—225. *تاریخ سید راقم* прин. мне ркп. без даты (конца XVII в.), л. 84. Также см. В. В. Бартольда „Улугбек и его время“. Спб. 1918, стр. 121—141.

здания был его сын Мухаммед. Таковы известные нам точные данные относительно Аннауской мечети.

Интересуясь неизвестным городом, я в конце 1914 года обратился с письмом к покойному И. Л. Карпинскому, проживавшему в Асхабаде, не найдет ли он возможным выяснить у наиболее ученого из туркмен, Молла Дурды, проживающего в Кеш'ах, чтонибудь определенное о развалинах Аннау, что сохранилось в народной памяти. Письмом от 14 декабря 1914 г. И. Л. уведомил меня, что Молла Дурды рассказал ему историю Аннау в таком виде. Название „Аннау“ или, как произносят туркмены «Аноу» представляет туркменское изменение персидского слова „Аб-и-Нау“ (Аб-е-Ноу), что дословно значит „святая вода“¹⁾, тем не менее это имя не является настоящим для древнего города, потому что, приблизительно, в 850 г. Хиджры (1446—1447 г. по Р. Х.) на месте Аннау уже были развалины древнего происхождения, и когда в следующем 851 г. (1437—1448 г.г.) Хорасан оказался под властью Абул-Касым-Бабура (или, в передаче Моллы Дурды, Абул-Касым-Бабыр-хана), по распоряжению последнего город был восстановлен и снабжен водою, получив название „Аб-и-Нау“ (Аб-е-Ноу). В 858 (1454) г. в Аннау умер св. Шейх Джемал-ед-Дин и там же был похоронен, чрез два гда, в 860 (1455—1456) г., его родной сын Мухаммед, построил на свои средства на месте могилы отца „Гумбет-мечеть“ и назвал ее „Дар-ал-Джемал“. В 861 г. умер Абул-Касым-Бабур в Мешед-е и там же похоронен в мечети имама Муса-ар-Ризы. По преданиям туркмен, Аннау был первоначально населен суннитами, а потом некоторое время в нем жили шииты. В 1131 г. (1719—1720 по Р. Х.) туркмены племени „теке“ пришли из Чарджуя и овладели, разрушив его, городом Ниса, где теперь лежит аул Багир; жители Нисы бежали в Аннау. По взятии Нисы туркмены ушли в пески, в Хиву и в Чарджуй. Население Аннау стало постепенно увеличиваться: туда скрывались разные преступники и бродяги из разных мест. При входе в г. Нису были ворота, аннауцы после ухода туркмен взяли их и перевезли в Аннау. Чрез некоторое время туркмены—теке начали постепенно передвигаться из Хивы и Чарджуя в нижнюю (западную) часть Ахала, со стороны Кызыл-Арвата. Когда они пришли в Ахал, то вся местность, впоследствии занятая Асхабадским уездом, принадлежала персам, последние, под натиском туркмен, ушли в Персию, а оставшиеся насильно уводились в плен и превращались в рабов (кул). Таким путем были заняты: Дурун, Мехин, Геок-Тепе, Хурменд, Кеш (Кеши) и Асхабад (Ышк'аб'ад) с прилегающею местностью. Сделавшись хозяевами всего Ахала, туркмены—теке не тронули Аннау, так как город этот достался по жребию, брошенному между отдельными коленами племени теке, роду Бек, а последний, заняв мирно Аннау, не допустил его разгрома. С этого времени аннауцы стали называть себя текинцами рода Бек, жили очень богато, хорошо и мирно, но, в конце концов, что называется, „взбесились от жира“ и начали враждовать с теке, убив изменнически несколько человек из родовитых и почетных текинцев. Вызывающее поведение аннауцев заставило текинцев собрать совет (маслахат) из своих родовых старшин, почетных лиц и храбрецов, и с согласия текинцев рода Бек было решено примерно наказать аннауцев.

¹⁾ Т. е. в смысле восстановления давно заброшенной ирригационной сети и проведения в нее оросительных вод.

Повидимому, Аннау в то время представлял серьезный опорный пункт, потому что текинцы осаждали его целый год, окружив кольцом и прекращая доступ воды. Они взяли его в 1278 (1861—1862) г. и разгромили. В том же году текинцы назначили в Аннау ханом из рода Бек некоего Ораз-Мухаммед-хана, определив ему в вознаграждение 3 келеме-су.¹⁾ Аннауцы не выдержали режима Ораз-Мухаммеда и в следующем 1279 г. бежали в Персию, где и поселились в местности Кельте-Чинар, Дерэ-и-Гез и Шор-Кала.

Эти сведения Моллы Дурды в отношении хронологии известных нам исторических событий отличаются большею точностью, повидимому, верна и дата взятия текинцами Аннау, потому что по данным „Матер. по земледов. Закаспийской области“ (Асхабад. 1902. стр. 26) „захват текинцами Аннау, по показанию их стариков, был совершен сравнительно в недавнее время, лет 40—45 тому назад“. Поэтому, казалось бы нет оснований отвергать и сообщаемое Моллою Дурды сведение, что „Аб-и-Нау“ (Аб-е-Ноу) было название восстановленного в середине XV в. древнего города Хорасана, неизвестно кем основанного и неизвестно пока как называвшегося. Некоторый свет на это могли бы пролить биографические данные о шейхе Джемал-ед-Дине или его сыне Мухаммеде. Молла Дурды указывает, что шейх умер в 858/1454 г., т. е. при жизни султана Абул-Касым-Бабура, следовательно, был его современником, однако ни Мирхонд, ни Хондемир не указывают такового имени в числе современников этого тимурида. Не менее того и в известных мне житиях суфийских старцев я не нашел подходящего имени для шейха этой эпохи, жившего в Хорасане, правда, в последней, по времени, суфийской четьи-минеи „Сокровищнице Чистейших“ (خزينة الاصفياء), составленной муфтием Гулям-Мухаммедом Лагорским, имеется шейх Джемал-ед-Дин, мюрид шейха Музаффара Балхи, скончавшийся также в 858 г. Х., но он прозывался Гуджер (گوجر) и был из числа индийских шейхов.²⁾ К этому позволю добавить, что лет 7 тому назад мне совершенно случайно пришлось получить с Дальнего Востока (кажется, из Никольска Уссурийского), от совершенно незнакомого мне человека (его фамилию, к сожалению, забыл) несколько очень хорошо исполненных за-границей открыток-фотоотипий с развалин Аннау и с его мечети. По всем данным последняя (в разных видах) была снята в первые годы присоединения к России Закаспия и при этом любопытно являлась надпись (по-русски), гласившая, что мечеть представляет усыпальницу шейха Джемал-ед-Дина, потомка или родственника (точно не помню) имама Али-ар-Риза. Во всяком случае шейх этот, видимо пользовался большою популярностью среди местного населения и считался патроном города. Повидимому, о нем еще сохранили память те аннауцы, которые в силу тех или иных обстоятельств были вынуждены остаться среди туркмен. В вышедшем в Асхабаде в 1916 г.

¹⁾ „Келеме“, как ирригационный термин, означает у закаспийских туркмен дневную или ночную очередь в поливке полей при расходе воды в зависимости от ее количества и количества участников в ее дележе (см. подробности в моей статье „Главы. основы распр. земли и воды у турк. Зак. области“. Этн. Обзор., 1903 г. № 2, стр. 116—120)

²⁾ خزينة الاصفياء, т. 2. Лукнов. 1312/1894; стр. 320—321.

„Спутник Туркестан—Персия“¹⁾ мы находим сведения (без указания, откуда они заимствованы), что проживающая в ауле Безмеин²⁾ и почти нищенствующая, совершенно неграмотная, поэтесса Саиб, представительница аннауцев, воспела в стихотворении гибель и разрушение туркменами ее родного города, когда ей было 17 лет (ныне ей, говорится в „Спутнике“, 72 года). В переводе это стихотворение названо „Слезы“ и гласит следующее:

1. Раз'ясню вам друзья свое тяжелое горе:

Я разлучилась с горами Келата...

Скажите, найду-ль я их.

Если буду искать подобно сейяду (охотнику)?

Я разлучилась с пиром Сейиид-Джемалем!

2. Это тот Аннау, который лежит на месте пересечения семи дорог,

Это он, который на поверхности земли не имеет никакого заступника;

Это тот, на которого накиннулись 40.000 теке.

Я разлучилась с садами и цветниками родины дорогой!.....

3. Аннау не имел себе равного в мире,

Он, убаюканный свободой,

Не платил дани никому;

Было время, когда 40.000 теке умоляли его о пощаде.

О, горе мне! Я удалена от пира Сейиид-Джемаля!

4. Вступил в один день он в бой кровавый

И на поле брани храбро встретил врага.

В этой битве смертельной, кровавой,

Пало 500 богатырей и лошадей.

Я разлучилась, друзья, с роскошью злата и серебра!

5. Двенадцать месяцев бились наши с врагами.

Сражались храбро, жажду кровью утоляя...

Не сдались многотысячным врагам,

Пали с честью в неравном бою...

О, горе! Я разлучилась с родными садами и цветниками!

6. Подтверждает Саиб, что сердце не может забыть родной земли.

О, братья, мне не перенести подобной несправедливости!

Мыслимо ли, чтобы погиб навсегда исторический Аннау?

Я отделена от тысяч дел, тысяч искусств милой отчизны моей!...

¹⁾ Изд. под ред. инж. путей сообщ. Б. И. Плеханова; все ниже позаимствованное из него занимает в нем стр. 135—138.

²⁾ Безмеин, древний Бәсмәй (بَسْمَی), одно из значительных селений, лежавших ниже Нисы; там б. могила известного хорасанского шейха Мухаммеда Алиййана (см. биографию Ахмед-Насра в Джамиевом *نفحات* стр. 326—327 по изд. Nassau Lees'a; Калькутта, 1858).

Так как американской экспедицией Р. Пёмпелли, производившей археологические раскопки в пределах г. Аннау в 1904 г., был установлен несомненный факт существования здесь древнейшей цивилизации, возникновение которой относится во всяком случае к эпохе не менее, как за 2-3000 лет до нашей эры, то мы в праве признать, что культурная жизнь здесь поддерживалась в течение длинного ряда веков и этот очаг былых цивилизаций, несомненно, имел разные наименования, в зависимости от эпохи, что последним его названием, намекающим на его восстановление, именно, связанное в этих местах с возобновлением и расширением оросительной системы, было «Аб-е-Ноу.» Трудно при этом допустить, чтобы это восстановление было произведено спустя много столетий после того, как был заброшен до того существовавший старый город. Люди на мусульманском Востоке, в большинстве, селились или на своих старых пепелищах, или приходили на них жить вскоре после того, как проносился разражающийся над ними ураган бедствий, поэтому вполне возможно, что последний город, на месте которого возник «Аб-е-Ноу», был то же мусульманским городом старого Хорасана, но каким?—это остается пока вопросом.

Если бы удалось натолкнуться в старых памятниках персидской письменности на некоторые указания в отношении «Аб-е-Ноу», бывшего, повидимому, весьма значительным городским поселением (кисаб),—то разгадка этого, вероятно, была бы разрешена. Возможно, что и собрание изустных преданий туркмен и отуркменившихся аннауцев в отношении этого могло бы пролить известный свет на этот вопрос, столь не маловажный для топографии старого Хорасана.
